Жорж Сименон

Человек из Лондона

Жорж Сименон

Человек из Лондона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125074

Содержание

1 4
2 10
3 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Жорж Сименон
«Человек из Лондона»

1

Бывает, что оказавшись в гуще событий, этого не ощущаешь: тебе кажется, будто жизнь по-прежнему идет своим чередом, и лишь после неожиданного потрясения ты начинаешь понимать, что прожитые часы были чем-то из ряда вон выходящим, и тогда стараешься отыскать потерянную нить происходящего, собрать воедино разрозненные воспоминания.

Почему в тот вечер Малуэн вышел из дома в плохом настроении? Поужинали как обычно, в семь вечера. Ели жареную селедку, был сезон ее лова. Маленький Эрнест поел аккуратно, не перепачкался.

Малуэн припомнил, что жена сказала:

– Недавно забегала Анриетта.

– Опять?

Если девчонка находится в услужении в том же городе, почти в том же квартале, это вовсе не значит, что она должна под любым предлогом забегать домой. Да и приходит она только затем, чтобы пожаловаться: что-то не так сказал г-н Лене, что-то наговорила г-жа Лене.

«Хорошо, если бы освободилось место у аптекаря, – подумал Малуэн, – там все-таки лучше, чем у мясника».

Все это было не так ук и важно, но Малуэн ушел из дома не в духе. Впрочем, это не помешало ему, как обычно, прихватить голубой эмалированный бидончик с кофе и сандвичи с колбасой, приготовленные женой.

Каждый вечер он уходил в одно и то же время, точно без шести восемь. Дом его, как и два-три других, стоял наверху скалы, и, выйдя за порог, Малуэн видел внизу море, длинную линию портовой набережной, а еще левее – гавань и город Дьепп. Но так как был разгар зимы, весь ландшафт в этот час состоял из огней: красных и зеленых огней причалов, белых, отсвечивающих в воде, огней набережной, и далее виднелось скопище огней города.

«Туман не так уж густ», – отметил про себя Малуэн.

Последние четыре дня туман был таким плотным, что прохожие на улицах буквально натыкались друг на друга.

Малуэн спустился по крутой тропе, свернул налево и направился к мосту. Без двух минут восемь прошел мимо морского вокзала, без одной минуты восемь начал подниматься по железной лестнице, ведущей на самую высокую площадку.

Он работал стрелочником. Но в отличие от других стрелочников, чьи будки стоят в стороне от городской суеты, разбросанные среди путей, железнодорожных насыпей и семафоров, будка Малуэна находилась в городе.

Даже в самом сердце его. Дело в том, что это был не обычный вокзал, а морской.

Суда, прибывающие из Англии дважды в сутки – в час дня и в двенадцать ночи, – швартовались прямо к набережной. Парижский скорый, покидая железнодорожный вокзал на другом конце Дьеппа, проходил по улицам, словно трамвай, и останавливался в нескольких метрах от судна.

Всего пять подъездных путей, никаких оград и насыпей, ничего, что отделяло бы мир рельсов от остального мира.

Поднявшись на тридцать две ступеньки, Малуэн оказался у стеклянной будки, где, застегивая пальто, уже ждал его сменщик.

– Все в порядке?

– В порядке. На второй путь прибывают четыре рефрижератора.

Малуэн не обратил внимания на это сообщение. А между тем ему предстояло навсегда запомнить малейшие подробности той ночи. На его коллеге было шерстяное кашне, и Малуэн подумал, что попросит жену связать ему такое же, но более темное, поскромнее. Он набил первую по счету трубку и положил кисет с табаком на стол возле пузырька фиолетовых чернил.

Это было и впрямь приятное местечко, лучший наблюдательный пункт во всем городе. На рейде виднелись огни двух траулеров, которые вернутся в порт с началом прилива. На суше, неподалеку от крытого рынка, сверкало огнями кафе «Швейцария», за ним тянулась вереница освещенных витрин.

А поблизости было темно и тихо, закрытые окна и двери, если не считать разноцветную дверь кабаре «Мулен-Руж», куда только что прошли музыканты. Малуэн знал, что примерно до десяти они будут играть в пустом зале – первые клиенты приходили только к этому часу.

Но играть все равно будут, как и будут стоять на своих местах официанты.

Чугунная печурка раскалилась докрасна. Малуэн поставил на нее бидончик с кофе, открыл шкафчик, достал бутылку водки.

Вот уже тридцать лет он проделывает одно и то же, в том же месте, в то же время.

В девять часов он открыл путь четырем рефрижераторам, затем самоходному крану, который возвратился на вокзал. В десять увидел, что свет в его доме на скале погас, а у Бернаров еще горит – они никогда не ложатся раньше одиннадцати.

Как всегда, Малуэн заметил на темном горизонте огни судна из Ньюхейвена. И сразу вокруг его будки появились признаки жизни. Не спеша прошли четверо дежурных таможенников, затем показались носильщики, буфетчик, таксист, и вместе с первым пароходным гудком вся набережная засверкала, как во время праздничной иллюминации.

Малуэн знал, что поезд покинет железнодорожный вокзал Дьеппа задолго до того, как дым парохода окутает гавань.

Естественно, что он занимался поездом, но невольно продолжал наблюдать за тем, что происходило вокруг, в частности, заметил, как в «Мулен-Руж» направилась Камелия, закашлялась у входа, постояла немного и открыла дверь.

Начинался самый короткий отрезок ночи. Пока открывались двери товарных вагонов, судно прошло вдоль причалов, развернулось посреди гавани и пришвартовалось. На набережной находился только служебный персонал, поэтому оказалось легко подсчитать, что первым классом прибыло пять, а вторым – двенадцать пассажиров.

Малуэн налил себе кофе, добавил туда водки и набил третью трубку, которую выкурил стоя, поглядывая на мелькавшие внизу фигуры. Почему один человек заинтересовал его больше остальных? Как обычно, вход загородили, чтобы пассажиры не могли пройти без таможенного досмотра. Так вот, человек, о котором шла речь, пришел со стороны города и стоял по другую сторону барьера, как раз под будкой Малуэна, и тот даже подумал, что мог бы плюнуть ему на голову.

На человеке было серое пальто, серая фетровая шляпа, кожаные перчатки, он курил папиросу. Это все, что Малуэну удалось рассмотреть. Носильщики, таможенники, вокзальные служащие занимались пассажирами, спускавшимися по трапу. Только Малуэн да еще человек в сером успели заметить на носу судна какую-то тень, которая в тот же миг что-то бросила на набережную.

Бросок был изумительно точный, не просто акробатический номер. Пролетев метров пятьдесят, чемодан очутился по другую сторону барьера, и незнакомец в серой шляпе, при-

шедший из города, уже держал его в руке, продолжая как ни в чем не бывало курить папиросу.

Он мог уйти. Никому и в голову не пришло бы его окликнуть. Но он остался на месте, в нескольких шагах от скорого поезда, как обыкновенный пассажир, ожидающий знакомого. Чемодан на вид казался легким. Это был небольшой фибровый саквояж, в котором обычно помещается запасной костюм и немного белья. У Анриетты был такой же.

«Что это они провозят тайком?» – задал себе вопрос Малуэн.

Но он даже не подумал, что можно выдать двух незнакомцев, причем второго, на судне, он так и не разглядел. Все это его не касалось. Случись Малуэну поехать в Англию, он тоже провез бы тайком табак и спиртное – так уж принято.

Первой из таможенного зала вышла молодая дама и направилась в купе первого класса. Пожилой господин в сопровождении двух носильщиков прошел в спальный вагон. Почти ежедневно, особенно на ночных пароходах, прибывали пассажиры «люкс», и Малуэну из его будки доводилось видеть министров, делегатов Лиги Наций, знаменитых актеров и кинозвезд. Порой их встречали на набережной фоторепортеры.

Человек с чемоданом оставался на месте. Он походил скорее на англичанина, чем на француза, хотя как знать?.. Наконец из таможенного зала вышел высокий, худой пассажир в бежевом плаще и направился к человеку в серой шляпе. Все очень просто. Они в сговоре.

Человек из Лондона сперва перебросил чемодан сообщнику, а теперь они жмут друг другу руки.

«Наверно, поедут поездом?» – подумал Малуэн, но тут же заметил, что оба пересекли улицу и вошли в «Мулен-Руж», откуда на миг донеслись звуки музыки.

Начальник вокзала дал сигнал свистком. В будке раздался звонок. Малуэн до отказа нажал на второй рычаг, и спустя несколько секунд поезд двинулся ко второму, настоящему вокзалу, откуда должен был отправиться в Париж.

Стали гаснуть огни, закрываться двери. Таможенники ушли все вместе, но двое из них завернули в кафе «Швейцария». Один за другим потухли огни и на пароходе, только корма оставалась освещена – кран с шумом выгружал ящики из зияющего трюма.

Каждую ночь все шло заведенным порядком. Еще два-три часа будет скрипеть кабестан, гореть прожектор, освещающий трюм.

Малуэн непроизвольно следил за «Мулен-Руж», за разноцветными окнами которого мелькали тени танцующих.

«Быть может, Камелия выйдет с одним из тех двух», – подумал он.

Как правило. Камелия время от времени покидала кабаре с каким-нибудь клиентом, заворачивала за ближайший угол, и минутой позже раздавался звонок у входа в небольшую гостиницу по соседству. Малуэн и сам ходил туда с ней, просто из любопытства, как и многие другие. Камелия – славная девушка, всегда доброжелательная; она постоянно с ним здоровается, когда он проходит мимо.

– Нет, они выходят без нее, – пробормотал Малуэн.

В своей будке он часто разговаривал сам с собой, и тогда ему казалось, что он не один.

– Держу пари, сейчас они начнут дележ!

Но те двое, вместо того чтобы направиться к городу, пересекли улицу, подъездные пути и забрались в самое темное, самое пустынное место набережной. Это вызвало у Малуэна улыбку – о нем, Малуэне, никто и не догадывался. Никому не приходило в голову, что наверху, в стеклянной будке, где горит красноватый свет, сидит человек и все видит! Меньше всего об этом думали влюбленные, и у стрелочника накопилось немало пикантных воспоминаний.

На секунду он отвернулся, взял чашку с кофе и отпил глоток. За это время он, наверное, что-то проглядел в поведении незнакомцев, так как, снова взглянув на них, увидел, что худой верзила с удивительной быстротой молотит спутника по лицу.

Бил он правой рукой, не выпуская из левой чемодана. Кулак казался темным, словно на руку был надет кастет. По-прежнему не умолкал кабестан.

Прижавшись лицом к стеклу, Малуэн видел, что избиваемый стоит у самой кромки набережной и вот-вот упадет в воду. Другой это знал и именно с таким расчетом наносил удары. Но он, очевидно, не предвидел, что жертва, падая, инстинктивно вцепится в чемодан и потянет его за собой.

Раздался всплеск, затем второй – более слабый. Первым упал человек. Затем чемодан. Худой верзила, торопливо оглянувшись, склонился над водой.

Лишь много дней спустя Малуэн спросит себя, почему он тут же не позвал на помощь.

Откровенно говоря, он просто об этом не подумал.

Когда воображаешь себя участником драмы, то предполагаешь, что поступишь так или этак. В действительности же все происходит по-иному. Малуэн в самом деле наблюдал за этой сценой как за обычным уличным происшествием, – с любопытством, и лишь когда высокий мужчина выпрямился, стрелочник проворчал:

– Другой-то наверняка готов.

Трубка погасла, он раскурил ее вновь и раздраженно осмотрел набережную. Долг требовал спуститься, но ему было страшно. Разве, совершив убийство, человек остановится перед вторым? Тем не менее Малуэн открыл двери будки. Убийца услышал шум, поднял голову и чуть ли не бегом устремился к городу.

Малуэн тяжело спустился вниз. Как он и предполагал, вода у набережной была неподвижна – никаких следов ни тела, ни чемодана. В пятидесяти метрах вырисовывался форштевень прибывшего судна, из его трюма продолжали выгружать ящики.

Не сбегать ли в кафе «Швейцария», где дежурит полицейский? Он поколебался, вспомнил, что у него кончилась водка, и зашел в «Мулен-Руж», сев у стойки близ двери.

– Порядок? – полюбопытствовала Камелия.

– Порядок… Стопку кальвадоса…

В глубине зала в розовом свете играл джаз, кружилось несколько пар. Камелия ждала, что Малуэн подаст ей знак, и на миг его было потянуло так и сделать, но он выпил вторую стопку кальвадоса и больше об этом не думал.

Настроение было скверное. Он припомнил, что из дома тоже вышел не в духе. Но тут уж дело было серьезное. Он не позвал сразу на помощь, и это, конечно, поставят ему в вину. А ведь он не виноват – просто в голову не пришло.

– Уходишь? – спросила Камелия.

– Ухожу.

Он снова поглядел на воду у набережной и стал в раздумье подниматься по лестнице. При любых обстоятельствах тело искать бесполезно: человек мертв, это точно. А тот, другой, наверняка уже далеко.

Малуэн посмотрел на пульт сигнализации и открыл третий путь, который запросили для товарных вагонов.

К «Мулен-Руж» подкатило такси, вышли какие-то два весельчака.

– В конце концов, меня это не касается, – проговорил Малуэн вслух.

Он подбросил угля в печку и допил остатки кофе. наступила самая скверная часть ночи, самая холодная.

Ветер дул с запада, небо было ясное, через час осядет изморось. Делать было нечего, смотреть не на что, пока не откроется рыбный рынок, который оживает затемно и закрывается днем.

«Он убил, чтобы одному завладеть чемоданом, а в результате остался на бобах», – подумал Малуэн.

Что же находилось в чемодане? Из-за пустяков не убивают.

Наступил отлив. Через час глубина воды у берега составит еле три метра, а то и меньше, как обычно бывает в полнолуние. Малуэн нахмурился, наморщил нос, почесал висок и вздохнул. Все эти привычки приобретаешь, когда часами находишься в одиночестве: гримасничаешь, жестикулируешь, мычишь, время от времени бормочешь какие-то слова.

– А почему бы и нет?

Холодно, конечно. Но игра стоит свеч…

Малуэн расхаживал по своей клетке, споря с самим собой. Наконец быстро спустился по железной лестнице и направился к набережной.

– Была не была! – еще раз проворчал он.

Он снял ботинки, пиджак, глянул на затихшее английское судно и нырнул. До железной дороги Малуэн рыбачил на траулере. А потом пять лет отслужил на флоте.

Он нырнул раз, второй, третий. Руки его напряженно прощупывали теплую донную тину. В четвертый раз он нащупал старый стальной кабель. И лишь на пятый, когда им уже стал овладевать страх, наткнулся на чемодан.

И тогда его охватила паника. Он сожалел о том, что сделал. Что будет, если его застанут? Он схватил пиджак и пустился бежать, забыв на набережной ботинки.

Никогда еще он не поднимался по железной лестнице так быстро. Из чемодана текла вода. С Малуэна – тоже. Но в шкафу у него лежала рабочая одежда, и он переоделся, то и дело с опаской поглядывая на чемодан, который даже не открыл. За ботинками пришлось снова спуститься. К себе в будку он вернулся в тот момент, когда закрывался «Мулен-Руж».

Камелия вышла последней, посмотрела в его сторону, чтобы удостовериться, что этой ночью она и вправду ему не нужна. А он в это время бормотал:

– Что же дальше-то делать?

Открыть чемодан, конечно! От этого не уйти.

Если снести находку в полицию, там его поведение сочтут непонятным; к тому же в чемодане, может, и нет ничего, кроме контрабандного табака.

Чемодан даже не был заперт на ключ, и когда Малуэн поднял крышку, он сперва увидел что-то мягкое, мокрое – бесформенную кучу тряпья. Чтобы удостовериться, что ничего другого там нет, Малуэн поворошил и вытащил банкноты.

Первая реакция его была такой же, как в тот момент, когда было совершено преступление: он ничего не почувствовал и лишь тупо уставился на кучу слипшихся от влаги белых английских пяти– и десятифунтовых банкнот.

Малуэну и раньше доводилось видеть десятифунтовые билеты. У него лежало в сберегательной кассе больше пяти тысяч франков, и дом тоже принадлежал ему.

Но здесь речь шла не о десятке или полусотне банкнот, не о пустяке. Перед ним лежал целый чемодан денег. Фантастическая сумма!

Малуэн, осматриваясь вокруг, обошел свою клетку.

Море посветлело. По ту сторону набережной, у рыбного рынка, остановилось несколько грузчиков и легковушек, засветились окна двух бистро.

Он отодвинулся от груды банкнот и, словно у него не было более срочного дела, вылил из чемодана воду и поставил его сушиться под огнем. Затем развесил на стуле мокрые брюки и закурил трубку.

– Может, тут даже миллион, – промолвил он вполголоса.

Присев к столу, Малуэн принялся считать купюры, откладывая десятифунтовые в одну сторону, пятифунтовые – в другую. Потом, обмакнув ручку в фиолетовые чернила, перемножил цифры, сложил, и получилась в пересчете на франки сумма в пятьсот сорок тысяч.

Вот оно что! Всего-навсего пятьсот сорок тысяч франков. Малуэн уже свыкся с мыслью и, как будто всю жизнь занимался такими делами, разложил деньги по пачкам, завернул в оберточную бумагу, уложил в чемодан и спрятал его в свой шкафчик.

Стрелочников было трое, и каждый имел шкафчик для личного пользования.

– Ну и дела! – проронил Малуэн, невольно улыбаясь.

И все же ему было малость не по себе. Он даже в мыслях боялся строить какие-нибудь планы и признаться себе, что считает деньги своими. Он снова подошел к стеклянной стенке будки. Светало. Двое мужчин беседовали по ту сторону гавани и привлекли его внимание. Один из них, рыбак Батист, имел привычку расставлять удочки в самом порту и вдоль причалов.

Его шлюпка, окрашенная в зеленый цвет, называлась «Благодать божья».

Собеседник Батиста был в бежевом плаще, высокий и худой. Да это же убийца! Видно, ночью ему было не до сна и он бродил по городу.

Что это он говорит Батисту, поглядывая на зеленую шлюпку? Неужели осмелится нанять рыбака и вместе с ним прощупать багром дно гавани?

Сам не зная почему, Малуэн улыбнулся. Разговор батиста с незнакомцем не произвел на него никакого впечатления. Рыбак отплыл один, чтобы снять свои удочки, а тот, другой, наблюдал за ним с набережной, то и дело дуя на окоченевшие пальцы.

Прошел еще час, взошло солнце, и светло-зеленая поверхность моря заискрилась, словно рыбья чешуя. В доме Малуэна на втором этаже открылось окно. Жена готовила завтрак сыну, который отправлялся в школу в половине восьмого.

Мост переходил мужчина, и Малуэн знал, что это идет его сменщик.

Все было как всегда. Человек в бежевом плаще то расхаживал вдоль набережной, то возвращался на старое место, неотрывно следя за прилегающей частью гавани и шлюпкой Батиста.

На английском судне матросы, поливая из шланга палубу, бегали босиком по мокрым доскам.

В обшарпанном, покрашенном шкафчике Малуэна, не стоившем и пятидесяти франков, лежало пятьсот сорок тысяч. Кто бы мог вообразить себе такое!

В простенке будки висело треснувшее зеркало. Малуэн с любопытством посмотрел на себя. Все то же бледное лицо: тонкие морщины от морской соли, серые глаза, густые брови, седеющие усы.

– Красавчиком себя возомнил? – спросил вошедший в этот момент сменщик, ставя на печку бидончик с кофе.

– Почем знать? – подмигнул в ответ Малуэн.

Он смотрел на шкафчик. Смотрел на зеленую шлюпку и человека из Лондона, сгорающего от нетерпения на набережной. Как тут было не улыбаться? Так уж само собой получалось.

– Что прибывает? – спросил сменщик, водружая на печку свой бидончик с кофе.

– Десять вагонов ранних овощей.

В глазах Малуэна то искрился, то исчезал смех. Все было очень сложно. Впрочем, не следовало думать сразу обо всем.

Будет время – разберемся.

Спускаясь по лестнице, он представил себе, как разозлится жена, увидев, что он надел ботинки на мокрые носки. На углу улицы, близ кафе «Швейцария», Малуэн издали увидел дочь, которая спешила за молоком для своих хозяев.

2

Последующие события могли развернуться и так:

Малуэн спокойно вернулся бы домой и никогда больше не встретился бы с человеком из Лондона. Видел он его лишь ночью да ранним утром, и то издалека, так что были все основания считать, что он даже не знает его в лицо.

Однако пока Малуэн огибал гавань и пересекал железнодорожный мост, направляясь к дому, зеленая шлюпка Батиста повернула прямо к рыбному рынку, а человек из Лондона с деланным безразличием направился к месту, где должен был причалить рыбак.

У Малуэна еще и тогда была возможность пройти мимо, но, как на грех, он остановился, чтобы посмотреть на огромного ската, а когда поднял голову, то перед глазами оказалось зеленое пятно моря, освещенного солнцем, на переднем плане виднелся бежевый плащ, а за ним голубой силуэт Батиста, гребущего кормовым веслом.

– Привет, Малуэн! – сказал прохожий, несущий корзину крабов.

– Привет, Жозеф!

А ведь он дал себе слово пройти рынок побыстрее, никуда не сворачивая с тротуара. Но теперь уже было поздно. И все по вине шлюпки, на которую смотрели они оба – Малуэн и убийца. А когда двое смотрят на один и тот же предмет, очень редко случается, чтобы они не встретились взглядами. Расстояние между ними не превышало и пяти метров. Их разделял только бронзовый причальный кнехт, покрытый инеем. Предрассветная изморось рассеялась, воздух стал прозрачным, краски мягкими. Половину окружающего мира заняло море, гладкое, без единой морщинки, даже без белой каймы прибоя. Другая половина медленно пробуждалась вокруг сверкающих рыб улова, из глубины города доносились звонки, удары молота, стук поднимаемых на магазинах железных штор.

В своей железнодорожной фуражке, с трубкой в зубах, Малуэн стоял, широко расставив ноги, и делал вид, что загляделся на море – у людей часто бывает такая привычка, – но краешком правого глаза не упускал из поля зрения фигуру в бежевом.

«У него вид отчаявшегося человека», – подумал стрелочник.

Но, может быть, незнакомец вообще не из веселых?

Выглядит он странно: очень худое лицо с длинным заостренным носом и бледными губами, резко выступающий кадык.

Кто он по профессии – угадать трудно. Во всяком случае, не рабочий. У него крупные холеные руки с рыжеватым пушком и квадратными ногтями. Одежда такая же, как на большинстве англичан-путешественников, приезжающих в Дьепп: коричневый твидовый костюм, скромный, но отличного покроя, мягкий воротничок, мягкая шляпа, плащ хорошего качества.

Нельзя было принять его и за служащего – нечто неуловимое в облике говорило о том, что он не ведет сидячего образа жизни. Малуэну представились вокзалы, гостиницы, порты…

Внезапно Малуэну пришла в голову мысль, быть может безосновательная, но соответствующая первому впечатлению: незнакомец похож на тех, кто работает в мюзик-холле или цирке, он – фокусник, чревовещатель или даже акробат.

Батист зачалил свою шлюпку, отгрузил на набережную корзину с угрями. За каждым его жестом печальными, глубоко запавшими глазами, не выпуская папиросы из пожелтевших от табака пальцев, следил незнакомец.

– Не густо! – указал на угрей Батист.

Он бросил это англичанину тоном, каким может обратиться рыбак к любому зеваке на набережной.

Заговорит ли тот, в свою очередь, с Батистом? И не для этого ли англичанин так долго поджидал рыбака?

Стрелочник понимал, что сейчас он здесь лишний, но уже не хотел уходить.

Пока рыбак выбирался на набережную, англичанин чуть повернул свое худое лицо, и два взгляда, встревоженные, удивленные, бессильные оторваться один от другого, впервые скрестились.

И тут Малуэн внезапно почувствовал страх, боязнь всего и вся, а убийца испугался этого стрелочника, неподвижно стоящего на набережной.

«Ни в коем случае не смотреть на будку: убийца сразу догадается», – подумал Малуэн.

И конечно, тут же посмотрел вверх, не сомневаясь, что тот проследит за его взглядом.

«Он узнает меня по форменной фуражке и…»

Глаза англичанина немедленно метнулись к фуражке.

– Все еще не передумали прогуляться? – спросил Батист.

Ответа Малуэн уже не слышал. Он бежал прочь, расталкивая рыночную толпу, бежал до тех пор, пока не очутился по ту сторону крытого рынка. Когда Малуэн оглянулся, бежевого плаща больше не было видно.

Малуэн был уверен, что незнакомец, как и он сам, убежал и теперь с другой стороны рынка в свой черед высматривает его в толпе.

Обычно, едва поев, он ложился спать и вставал около двух часов дня. Оставшееся до смены время рыбачил или что-нибудь мастерил. В этот день, провалявшись без сна час в постели, он встал и начал одеваться.

– Тебе чего-нибудь надо? – крикнула жена, услышав снизу его шаги.

Ему ничего не было надо, но спать не хотелось. Еще лежа в постели с закрытыми глазами, он думал о морских течениях и делал подсчеты.

После того как тело упало в воду, примерно еще два часа продолжался отлив, а значит, труп утащило на дно или унесло в открытое море.

Это был не первый утопленник в Дьеппе, и, когда хорошо знаешь порт, нетрудно почти точно определить, где тело будет выброшено на сушу. Оно могло зацепиться за сваю причала, и тогда его долго не обнаружат.

Но возможно, что труп поплыл по фарватеру, тогда течение выбросит его на пляж, как это случилось прошлым летом с телом американки.

Малуэн зашнуровал ботинки и спустился вниз по лестнице, дрожавшей под его тяжестью, как, впрочем, и весь дом, построенный из легких материалов.

– Уходишь? – удивилась г-жа Малуэн, занятая стиркой.

– Ухожу.

Это все, что ей полагалось знать. Он поднял крышку кастрюли: интересно, что будет к обеду? Повязывая шарф, вспомнил о кашне сменщика и уже на пороге набил трубку.

С того места, где он стоял, пляж был виден, но слишком далеко, чтобы разглядеть тело, да еще среди телег, вывозивших гальку.

На рыбный рынок Малуэн попал, когда распродажа уже заканчивалась и каменные плиты тщательно промывали. По ту сторону гавани сверкала его будка, освещенная солнцем, и в ней четко вырисовывался силуэт сменщика.

Малуэн заглянул в бистро.

– Стопку кальвадоса, – бросил он, облокотившись о стойку.

Встретится ли он с клоуном? Так теперь Малуэн называл незнакомца. Честно говоря, желания видеть его у стрелочника не было, и все же он искал клоуна взглядом.

Приморский бульвар был безлюден. Большие отели на зиму закрывались, их окна зашторивались или замазывались мелом. Казино, так же как и шикарные магазины по соседству, было закрыто. Малуэн никогда не ходил в ту часть города, где летом ему не было места, а зимой нечего делать. На бульваре прогуливались матери с детьми. Проехала груженная галькой телега, а на пляже рабочие, широко размахивая лопатами, нагружали другие телеги.

Малуэн шел медленно, засунув руки в карманы, покуривая трубку. Его можно было принять за рабочего, вышедшего подышать свежим воздухом. С деланным безразличием он окидывал взором берег, окаймленный водорослями. Трупа там не было. Правда, одна куча водорослей издали походила на тело, и он подошел взглянуть на нее, даже поворошил ногой. Потом, не поднимая головы, повернул обратно к бульвару и, уже всходя по лестнице, нос к носу столкнулся с клоуном.

Как и утром, взгляды их скрестились. Большой испуг выразили глаза англичанина. Малуэн заметил, что от холода у него посинел нос, а губы трясутся так, что даже дрожит сигарета. Продолжай Малуэн подниматься, они задели бы друг друга.

Малуэн смутился, словно его уличили во лжи, он тут же повернулся к морю и сделал вид, что смотрит на него. Услышав удаляющиеся шаги, резко обернулся – человек из Лондона был уже далеко, а его размашистые шаги придавали ему сходство с кузнечиком.

Кто же он? В лице его не было ничего скотского.

Напротив, он, скорее, напоминал неприкаянного, болезненного чудака.

И все же этот чудак привез из Лондона чемодан денег и убил сообщника, чтобы не делиться с ним.

Покойный же… Кем он был – Малуэн, в сущности, понятия не имел. Видел он его ночью, да и то издалека.

Знал лишь, что тот был одет в серое и выглядел чуть поплотнее другого. Вот и все.

Малуэн прошел мимо отеля «Ньюхейвен», единственной на бульваре гостиницы, оставшейся открытой: у нее была постоянная клиентура из коммивояжеров.

Клоун скрылся за казино, и Малуэну не хотелось вновь встречаться с ним.

«У меня теперь пятьсот сорок тысяч франков», – не слишком уверенно сказал себе Малуэн, просто чтобы избавиться от угнетавшей его тревоги.

Он находился в ста метрах от мясной лавки, где дочь его жила в услужении. Не странно ли это? Поравнявшись с лавкой, он не увидел дочери – наверное, она была на кухне. Зато г-жа Лене, восседавшая за кассой, кивнула ему.

– Тебе и невдомек, что я богаче тебя, – пробормотал Малуэн.

Но почему же он чувствует себя не в своей тарелке?

Решив, что рюмка-другая аперитива взбодрит его, он зашел в кафе «Швейцария». Время приближалось к полудню. Начали прибывать пассажиры парохода, уходящего в час дня, повторились те же маневры, что и ночью. После второй рюмки Малуэну вдруг захотелось подняться к себе в будку, и он вошел туда, сильно запыхавшись.

– Чего это тебя принесло? – удивился сменщик.

Малуэн подозрительно поглядел на него. Он понимал, что не прав, но не мог с собой совладать.

– Тебе что, неприятно меня видеть?

– С чего ты взял?

– Вид у тебя такой.

Раздался звонок. Стрелочник открыл третий путь, а Малуэн посмотрел на свой шкафчик. Он хотел было что-то сказать, сгладить неловкость, но на ум ничего не приходило. Впрочем, не следовало создавать впечатление, что он пытается сделать первый шаг. Почему это сменщик хранит молчание?

Малуэн постоял две-три минуты посреди будки, делая вид, что следит за возвращающимся с моря траулером. Наконец вздохнул и ушел, ничего не сказав.

– Ну и ладно, – проворчал он, спускаясь по железной лестнице.

Двери «Мулен-Руж» были открыты. Две женщины мыли полы, а хозяин – бывший парижский бармен – полировал зеркало специальным составом.

Малуэн вернулся домой. Усаживаясь за стол, развернул купленную по дороге газету.

– Ты ничего мне не расскажешь? – спросила жена.

– Рассказывать нечего.

Газета могла что-нибудь сообщить, ну хоть в двух строках, о чемодане, о краже, совершенной в Англии, или о фальшивых деньгах.

При этой мысли Малуэн нахмурился. А вдруг и впрямь банкноты фальшивые? С виду клоун не был похож на вора и мошенника. А вот фальшивомонетчиком, работающим где-нибудь в подвале, корпящим над клише, оперирующим типографской краской и кислотами, он вполне мог оказаться.

– Что с тобой? – спросила жена.

Что с ним? Да то, что он в бешенстве. Вернее, боится, что рехнется, если деньги и впрямь фальшивые.

– Больше не будешь есть?

– Нет.

Только бы ей не вздумалось досаждать ему расспросами! Сидеть было больше невмоготу. Встанешь – захочется идти. Но куда?

Найдут ли по крайней мере труп? Скоро стемнеет, а значит, все отсрочится до завтра. Но почем знать?

Если утопленник зацепился за старые тросы – их много на дне гавани – тогда уже вообще нечего ждать: его могут выловить через месяц или вообще никогда.

– Почему Эрнеста нет дома? – раздраженно спросил он жену.

– Ты забыл, что сегодня он обедает у тетки?

Малуэн снова отправился в город. Уже в половине четвертого зажглись огни витрин и уличные фонари.

Засветилась и его будка у морского вокзала. Стрелочника начало клонить в сон, но через четверть часа это прошло.

Бесцельно побродив по улицам, он наконец устроился в уголке кафе «Швейцария», где по крайней мере можно было послушать граммофон. В противоположном углу сидела нарядно одетая Камелия, с лисой на шее.

Малуэн улыбнулся ей. Она незаметно кивнула, и он чуть было не предложил ей пойти с ним. Но его остановила мысль, что в кармане у него всего двадцать франков.

Как проверить, фальшивые или настоящие деньги в чемодане? Идти с ними в банк нельзя. Вот если бы газеты…

Малуэн стал просматривать только что полученные парижские газеты и довольно долго тихо сидел в своем углу, в тепле, слушая музыку. За соседним столом играли в домино. Его опять потянуло в сон. Но это было, скорее, даже приятно.

Открылась дверь. Она и до этого распахивалась раз двадцать, но Малуэн не обращал внимания, а тут он резко вскинул голову и увидел клоуна. Тот вошел и присел за один из столиков.

Между ними было метра три, не больше. Англичанин не видел Малуэна. Когда подошел официант, он распорядился:

– Рюмку коньяка.

Клоун мог в любую минуту повернуть голову и заметить Малуэна. Но этому помешала Камелия. Она решительно подсела к англичанину и протянула ему руку.

– Где твой приятель? Он назначил мне свидание на четыре, а сейчас уже почти пять.

Малуэн все слышал. Он боялся того, что должно произойти. Ему казалось, что все обязательно закончится взрывом. Человек из Лондона, отвернувшись от Камелии, увидел стрелочника, и в глазах его мелькнул ужас.

– Не знаю, – торопливо ответил он Камелии. – Думаю, уехал в Париж.

Говорил клоун с акцентом, но не сильным. Говорил медленно, не спуская глаз с Малуэна. Камелия тронула его за руку, чтобы он повернулся к ней.

– Зачем это его понесло в Париж?

Угодив между двух огней, клоун сохранил спокойствие и даже улыбнулся.

– А я почем знаю? Тедди не обо всем мне докладывает.

Малуэн сделал еще одно открытие: у этого человека либо испорчены, либо пожелтели от табака зубы.

– Официант! – позвал клоун.

– Ты уверен, что Тедди нет в Дьеппе?

Похоже, Камелия догадывалась о случившемся.

Взгляд у нее стал тяжелый, и Малуэн подумал, что ему не хочется, чтобы так смотрели на него.

– Пять пятьдесят, считая рюмку мадам.

Англичанин уплатил, не глядя на стрелочника, и вышел через другую дверь, чтобы не поворачиваться к нему лицом. Оставшись одна. Камелия попудрилась, подкрасила губы и, в свой черед, подозвала официанта:

– Жозеф, если меня спросят, скажи, что я не могла больше ждать. Пусть приходят вечером в «Мулен-Руж» – я там буду.

Когда мужчина в бежевом плаще вошел в отель «Ньюхейвен», хозяйка, гордо восседавшая за конторкой в глубине холла, повернулась к окошку буфетной:

– Жермен, прибор господину Брауну.

И улыбнулась Брауну, водружавшему плащ на вешалку.

– Хорошо прогулялись? По-моему, вы недостаточно тепло одеты для такого времени года. Здесь, в Дьеппе, ветры сырые.

Он кивнул, улыбнулся, вернее, изобразил улыбку и направился к бару.

– Жермен! – снова возвысила голос хозяйка, – Господин Браун ожидает вас в баре.

Хозяйке отеля, полной веселой женщине, не составляло труда быть приветливой.

– Виски, мистер Браун? – осведомился Жермен, держа бутылку наготове.

Человек из Лондона сел в кожаное кресло; было ясно, что ему нечего делать. Он бездумно смотрел в пространство, а если о чем-нибудь и думал, на лице его это никак не отражалось.

Хозяйка отеля находила его очень изысканным: во-первых, он был высок и худ; во-вторых, говорил мало и почти никогда не смеялся.

– Долго собираетесь гостить у нас, мистер Браун?

– Не знаю. Возможно.

– Если вам хочется заказать какое-нибудь особое блюдо, не стесняйтесь. Зимой у мужа есть время.

Он кивнул.

– В котором часу вы привыкли вставать? Завтрак вам будут подавать в постель.

Он растянул губы в вежливой улыбке, допил виски, со вздохом поднялся с кресла, поволок свое длинное тело по холлу и в салоне снова как бы сложился вдвое, опустившись в другое кресло.

– Жермен, зажгите свет.

Г-н Браун по-прежнему с грустным видом смотрел в пространство, а когда в одиночестве уселся за столик неподалеку от двух коммивояжеров, никому бы и в голову не пришло, что в кармане у него остался всего фунт стерлингов.

А в это время Малуэн, сидя дома за ужином, даже не заметил, что его сынишка облокотился на стол.

– Сдается мне, ты вот-вот свалишься в гриппе, – осмелилась заметить жена.

– Вечно у тебя глупости на уме, – отрезал он.

Малуэн взял свой бидончик с кофе, сандвичи и, поцеловав в лоб жену и сына, надел фуражку.

Г-жа Малуэн была бы крайне удивлена, если бы ей сказали, что ее муж боится. И самое главное, боится темноты!

Спуск к набережной не был освещен. Малуэн шел вниз так поспешно, что чуть было не упал. В то же время он думал, что мысль жены насчет гриппа не так уж и плоха.

Пусть у него будет грипп – тогда на неделю дадут отпуск!

Огни набережной отражались в водах гавани, и было видно, как Батист направляет свою «Благодать божью» к причалам, заменяя удочки и верши.

– Привет, Малуэн!

Голос доносился из сырой мглы, где дрожал огонек шлюпки, и свет этот казался далеким, хотя был совсем рядом.

– Привет, Батист!

Может быть, Малуэн чувствовал бы себя лучше, если бы ему удалось выспаться? Проходя мимо, он заглянул в кафе «Швейцария», но англичанина там не было. К себе в будку он поднялся мрачнее тучи, опоздав на две минуты, и заступил на дежурство, не обмолвившись даже словом со сменщиком.

Светились огни «Мулен-Руж». Туда уже подходили музыканты. Малуэн присел у печки и уставился на рычаги.

3

Когда утром, после смены, Малуэн, волоча ноги, вошел в кухню, жена, едва взглянув на него, воскликнула:

– Ну теперь-то видишь, что у тебя грипп? Кто был прав?

Она вовсе не была права: никакого гриппа у него нет, но вид и впрямь больной, раз жена это заметила.

Правда, у нее особая способность чуять, когда дела не клеятся, особенно если речь идет о чем-нибудь грязном и постыдном или о денежных затруднениях. Она первой замечает прыщик у кого-нибудь на лице или распознает вранье Эрнеста.

– Не ешь много! Сейчас приготовлю тебе грог.

Обычно, возвращаясь с дежурства, он ел разогретое мясо с картофелем, но сегодня даже не присел к столу и, метнув злобный взгляд на жену, направился к лестнице.

Никогда он еще так не уставал после работы. Нет, это было похуже, чем усталость. Все тело ныло, голова трещала, глаза покалывало. А главное, его мутило, как после отчаянной попойки.

– Оставь меня в покое! – цыкнул он на жену, которая двинулась было за ним наверх.

Охота ему смотреть, как она станет Причитать вокруг постели, надоедая ему советами.

– Ты не будешь пить грог?

В ответ он захлопнул дверь ногой. Раздирая уши, ревела туманная сирена. В комнате было холодно. Малуэн швырнул один ботинок налево, другой направо, бросил брюки на спинку стула и, оставшись в одной рубашке, уставился на ноги.

Неужто его вновь будут одолевать все те же мысли?

Разве не достаточно прошлой ночи? Крадучись, словно собираясь сделать что-то дурное, он босиком подошел к окну и рывком распахнул его так, что затрещали рамы.

На улице стоял туман, и, однако, присмотревшись, Малуэн различил метрах в пятидесяти от дома чью-то фигуру.

Он был доволен тем, что напугал этого человека.

Конечно, напугал, иначе для чего нужно было так резко распахивать окно да еще высовываться из него, как чертик из коробочки. Да, он не ошибся: англичанин кубарем скатился с откоса и направился в город.

Малуэн лег в постель, разговаривая сам с собой, как это делал обычно в будке:

– Я непременно должен уснуть, иначе не выдержу!

Ну и ночку он сегодня провел! Правда, не произошло ничего ужасного, ничего, заслуживающего внимания.

Предыдущая ночь была в тысячу раз драматичнее – в нескольких метрах от него убили человека, но это не произвело на Малуэна никакого впечатления.

Может быть, это связано с тем, что теперь он знает убийцу? Нет, конечно, он с ним не разговаривал, не знал ни его имени, ни профессии, ни причины убийства, не знал, не ограбил ли тот кого-нибудь и не печатал ли фальшивые деньги; он ничего не знал, но зато знал его.

Знал так, что лицо его стало Малуэну привычней, чем лицо шурина, которого он видит ежемесячно на протяжении последних пятнадцати лет.

До полуночи набережная оставалась безлюдной, прибытие судна из Ньюхейвена прошло как обычно, и пассажиров было очень мало. Вначале ночь была светлой, но затем туман, как если бы пароход привез его с собой, заволок воду и медленно пополз вверх, серебрясь под луной.

От нечего делать Малуэн так набил печку углем, что чугун раскалился докрасна и пришлось отворить окно.

Он часто это проделывал: при закрытых окнах ему казалось, что он оглох; когда же рама открывалась, он различал и опознавал любые звуки в порту. Даже не прислушиваясь, говорил про себя:

«Вот „Франсетта“ выходит из порта. Неплохая погодка для постановки сетей!»

Или же:

«Вот вернулся на своей машине господин Бабю».

Вообще-то он не знал в лицо судовладельца Бабю, который часто ездил в Гавр и возвращался на своей машине. Дом его находился неподалеку от морского вокзала, и Малуэн всегда слышал шум подъезжающего автомобиля. Вот и все знакомство.

Сейчас с кормы английского судна сгружали соленую рыбу. Но даже скрип кабестана не мешал Малуэну различать другие, более слабые и дальние звуки. Около часу ночи он услышал плеск воды в той стороне гавани, где Батист обычно причаливал свою шлюпку.

Он сразу все понял. Только спрашивал себя, один или вместе с Батистом англичанин в лодке. Когда же все еще в прозрачном тумане шлюпка показалась посреди гавани, стало ясно, что в ней находится только англичанин.

Он не был моряком, это было видно по тому, как он управлялся с кормовым веслом. А так как на шлюпке было лишь одно обычное весло, англичанину приходилось трудновато, тем более что он старался не шуметь.

Он загребал то слева, то справа, но, несмотря на все предосторожности, весло всякий раз задевало за борт.

Шлюпка рыскала из стороны в сторону. Странное зрелище представлял собой в тумане человек в мягкой шляпе, пытавшийся вести по курсу неуклюжее суденышко.

Сперва Малуэн с любопытством наблюдал за ним, но потом это стало как бы наваждением, и он уже не мог оторвать глаз от шлюпки, ничего другого не видя и не слыша. В сгущающемся тумане, где шлюпка и человек казались иногда просто пятном, Малуэн продолжал все различать, но особенно отчетливо, во всех деталях, представлял себе лицо англичанина.

Он не смог бы сейчас, с такой же точностью, ничего не упустив и не исказив, припомнить черты лица шурина или даже собственной жены.

Шлюпка Приближалась рывками, и Малуэн был уверен, что остроносый человек смотрит сейчас на воду своими печальными глазами, смотрит тревожно и смиренно. Когда фигура его распрямлялась, Малуэн знал: клоун приподнимается, чтобы разглядеть его будку, подвешенную в небе, как бумажный фонарик.

Шлюпка подошла к месту, куда упал чемодан. Вытащив весло из воды, человек встал на ноги, но движения его были такими неловкими и неуверенными, что лодку все время покачивало.

Малуэн угадывал каждый жест: вот англичанин распутывает линь, вот багор стукает о борт, потом уходит в воду.

Над причалами прокатился первый сигнал сирены, и десять минут спустя туман поглотил все вокруг, даже залитую светом дверь «Мулен-Руж».

Теперь Малуэн мог бы отвлечься, почитать газету или подремать у огня.

Однако он остался у окна, сдерживая дыхание, чтобы не упустить ни звука, и недовольно хмурился, когда скрип кабестана заглушал плеск воды.

По прямой человек из Лондона находился от него примерно в пятнадцати метрах. Англичанин явно ничего не знал о чередовании приливов и отливов и, вероятно, не догадывался, что отлив медленно относит его в открытое море.

Он осторожно погружал багор в воду, но, оглядываясь, замечал, что лодка отдаляется от выбранного места; один раз он даже стукнулся о буксир. Батист, Малуэн, кто угодно сумел бы удержать шлюпку на месте, одной рукой подгребая кормовым веслом, а другой – орудуя багром.

Туман был бел и холоден, как лед, и, казалось, так же тверд. Несколько раз Малуэн с трудом сдерживал кашель. А если бы не сдержал? Человек поднял бы голову – ведь в тумане звуки представляются более близкими, чем на самом деле. Он мог бы упустить линь или выронить багор. Почем знать? С перепугу он мог бы даже упустить весло, и тогда его бы понесло к причалам.

Хватило бы у него духу закричать?

Стоять на ногах англичанин не решался из боязни потерять равновесие. Сидя же, он был скован в движениях и потому все время пытался устроиться поудобней.

Малуэн с яростью повернул рычаг, открывая путь веренице вагонов, и опять повернулся к окну.

Ни на один миг он не вспомнил об убитом, который его не интересовал, вернее, не занимал никакого места в его мыслях. Малуэн ведь даже не разглядел его! Заметил только пальто, шляпу, тень, качнувшуюся над водой.

Впрочем, мертвому, поскольку он мертв, не нужен чемодан.

А вот клоуну он чертовски необходим! До невероятности! Всего лишь прошлой ночью на этом самом месте он совершил преступление. Ему неизвестно, найдено ли тело, были или нет свидетели, не рассказали ли они о случившемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.